

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья

УДК 32:316.77

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-93-102

Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в теории политической коммуникации

Анна Михайловна Сосновская

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия
sosnovskaya-am@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9736-0912>

Исследования последних лет показали ослабление городской идентичности молодёжи Санкт-Петербурга, отсутствие интереса к сохранению культурного наследия. Целью исследования является деконструкция дискурсов и выявление ценностно и целеориентированных составляющих диспозитивов, позволяющих понять мотивирующие драйвы артикуляции и коммуникации в социальных сетях и скорректировать политику городской идентичности. В статье применяется акторно-сетевая теория к данным, реконструированным из текстов социальных сетей жителей и градозащитников о культурном архитектурном наследии Санкт-Петербурга, что позволило адаптировать АСТ для системного анализа политики городской идентичности, с учётом факторов, которые часто ускользают от внимания при более традиционных формах анализа, но влиятельны в современной среде сетевых коммуникаций и связанных политик. Идентичность при этом рассматривается одновременно как дискурсивная конструкция и как эффект конфигурации человеческих и нечеловеческих акторов, откликающихся в социальной практике на текущую трансформацию симбиотических отношений человека со средой. На материале СМИ и социальных сетей по поводу разрушения здания манежа лейб-гвардии Финляндского полка в Санкт-Петербурге проведён анализ контента с помощью дискурсивного метода и акторно-сетевой теории. Выявлены и проиллюстрированы три возможных уровня использования АСТ в анализе политической коммуникации вокруг культурного наследия: 1) материальные объекты стабилизируют социальные отношения; 2) обладают реальными и чувственными качествами, способствующими проективной идентификации; 3) обеспечивают пространственность и целостность города. В ходе анализа границ сетевых взаимодействий актуализировано психоаналитическое понятие «нехватка» как неразрешимое противоречие и антагонизм дискурсов, как проецирование тревоги в текстах, с господствующей неопределённостью текущей мотивации. Итогом исследования стало выявление ценностно и целеориентированных диспозитивов дискурсов в поле городской идентичности и разработка программы политики коммуникации с акторами сети. Выявление диспозитивов позволило установить условия продуктивной коммуникации как определяющей симбиотические режимы в современном городе.

Ключевые слова: дискурс, диспозитивы, наследие, акторно-сетевая теория, политическая коммуникация

Original article

Value and Goal-Oriented Dispositives of the Discourse of Cultural Heritage in the Theory of Political Communication

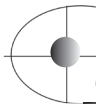
Anna M. Sosnovskaya

Northwestern Institute of Management RANEPa, St. Petersburg, Russia
sosnovskaya-am@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9736-0912>

Studies of recent years have shown a weakening of the urban identity of the youth of St. Petersburg, a lack of interest in the preservation of cultural heritage. The purpose of the study is to deconstruct discourses and identify the value-oriented and goal-oriented components of dispositives that allow understanding the drives of communication in social networks and adjusting the policy of urban identity. The article applies the actor-network theory to data reconstructed from the texts of social networks of residents and city defenders about the St. Petersburg cultural architectural heritage, which allowed us to adapt the ANT for a systematic analysis of urban identity politics, taking into account influential factors in the modern environment of network communications and related policies. Identity is considered simultaneously as a discursive construction and as an effect of the configuration of human and non-human actors that respond in social practice to the current transformation of the symbiotic relationship between man and the environment. On the material of the media and social networks regarding the destruction of the building, the content was analyzed using the discursive method and actor-network theory. Three possible levels of use of ANT in the analysis of political communication around cultural heritage

© Сосновская А. М., 2022

are identified and illustrated: 1) material objects stabilize social relations; 2) have real and sensual qualities that contribute to projective identification; 3) ensure the spatiality and integrity of the city. In the course of analyzing the boundaries of network interactions, the psychoanalytic concept of “lack” is actualized as an insoluble contradiction and antagonism of discourses, as a projection of anxiety in texts, with the prevailing uncertainty of the current motivation. The result of the study was the identification of value-oriented and goal-oriented dispositives of discourses in the field of urban identity and the development of a program for the policy of communication with network actors. The identification of dispositives allowed us to establish the conditions for productive communication as a determining factor in symbiotic regimes in the modern city.

Keywords: discourse, dispositives, heritage, actor-network theory, political communication

Введение. Цифровизация позволила по-новому относиться к проблеме наследия, видя в нём не просто совокупность объектов, но и определённые способы фиксации социальных практик и выстраивания поддающихся учёту интеракций. В этом смысле цифровизация понимается в данной статье как способная противостоять деструкции, такой как разрушение отдельных объектов культурного наследия: именно она формирует сетевые модели, которые обосновывают полный функциональный спектр наследия и его значение для социального развития, в том числе для развития речевых и коммуникативных практик в современном городе.

Проанализируем коммуникацию в социальных сетях по поводу культурного наследия Санкт-Петербурга как политический дискурс градозащитников, выявляя маркеры целей и ценностей диспозитива данного дискурса. Применение принципов акторно-сетевой теории позволит рассматривать физические пространства, материальное и нематериальное наследие как действующих акторов среды жизнедеятельности.

Города состоят из различных социально-культурных пространств [1], – в Санкт-Петербурге разграничение таких пространств дробится в зависимости от оптики смотрящего. Официально границы выстраиваются по районам: исторический центр, спальные районы и близлежащий пригород, поселения которого иногда являются районами города (г. Пушкин, Курортный район, г. Петродворец и другие), тогда как некоторые районы в черте города (Мурино, Кудрово) принадлежат Ленинградской области; субъективно границы города и городской среды выстраиваются согласно материальным и нематериальным ценностям: по архитектурным ансамблям, вдоль гидрологической сети, достопримечательностям, локациям наследия, местам памяти, литературным маршрутам.

Микрорайоны города в сознании горожан воспринимаются как обособленные и

специфические пространства со своей уникальной историей, атмосферой, архитектурой, культурными центрами и достопримечательностями. Здесь были перечислены некоторые пространства, которые принадлежат к протяжённому на 23 717,3 га объекту Всемирного наследия ЮНЕСКО¹.

Исследователи из Израиля, подготовившие обзор литературы по Акторно-сетевой теории (АСТ), объектно-ориентированной онтологии (ООО), дискурс-анализу применительно к городским социальным пространствам и связям между ними, отмечают, что «каждое городское социальное пространство имеет “идентичность”, определяемую специфической смесью социальных групп и спецификой реальных и чувственных качеств. Эти качества создают чувственный объект с определённой чувственной идентичностью в сети различных городских социальных пространств» [2, с. 220].

С 2015 г. мы изучаем объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, который включает в себя исторический центр Санкт-Петербурга и связанные группы памятников, используя разные оптики гуманитарных наук для изучения как отдельных городских пространств со своей особой идентичностью, так и политики общей городской идентичности. Мы изучаем политику городской идентичности как дискурсивно-материальную сборку (assemblage) и как артикуляцию в дискурсивной коммуникации за определение судьбы наследия. Наше исследование СМИ и

¹ Основные подходы к разработке плана управления объектом Всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» под номером С540bis. – URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2020/07/podhody-k-pu-ovn-spb-1-1.pdf> (дата обращения: 04.05.2022). – Текст: электронный. На территории Санкт-Петербурга располагается объект всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников», уникальный по масштабу (площадь – 23 717,3 га) не только для России, но и для всего мира. В состав объекта входят 36 компонентов и 86 элементов, расположенных на территории двух субъектов Российской Федерации – Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

социальных сетей за 2021–2022 г. выявило 10 дискурсивных групп, которые находятся в постоянном процессе группообразования на основе своих диспозитивов и коллаборационных или антагонистических отношений [3]. Мы интегрировали программу АСТ в изучение данных дискурсов, создав продуктивный гибрид оптик, то, что социолог Нико Карпентье называет «дискурсивно-материальным узлом», с помощью которого исследователь изучает медиакоммуникацию [4].

Рассмотрим пространственные характеристики города и области, чтобы показать наличие действующих материальных акторов, поддерживающих уникальность объекта Всемирного наследия. Воспользуемся исследованиями специалистов по архитектуре города, чтобы рассмотреть город как аутентичную агломерацию, такую физическую среду, которая позволяет сохранить качества объектов города в среде, каковые в свою очередь формируют и укрепляют городскую идентичность посредством проективной идентификации, что соответствует, как считает Г. Харман, практикам эстетизации как в архитектуре, так в искусстве и поэзии [5].

В статье исследователя архитектуры С. В. Семенцова сформулированы основные историко-градостроительные особенности, заложенные Петром I и последовательно совершенствовавшиеся при всех его преемниках до 1917 г., а также сохранявшиеся и позднее, до 1954–1955 гг.

Согласно АСТ, пространственная аура, состоящая из работы вещей, ведёт к дополнительным социальным и культурным эффектам, не сводящимся к предусмотренным отдельными вещами и их сочетаниями. Приведём цитату С. Семенцова с сокращениями, показывающую одновременное создание материальных объектов, формирующих ту среду, которая позволяет сохранять наследие и симбиотическое единство природного, архитектурного и культурного компонентов Санкт-Петербурга: «при развитии Санкт-Петербургской агломерации создавали осознанно и сразу:

1. Фортификационную систему, очень развитую, включая несколько “идеальных” по формам крепостей, редутов, фортов, оборонительных линий, включающую сухопутные фортеции центра и периферии города...

2. Город-метрополию Санкт-Петербург с его ближними предместьями и ближни-

ми дачными зонами почти сразу на многих островах и территориях дельты Невы...

3. Обширнейшие полосы и зоны пригородов в единстве регулярности и ансамблевости...

4. Систему коммуникаций (сухопутных и водных), обеспечивавшую оптимальные территориальные связи между всеми пространственными элементами.

5. Систему визуальных, символических, знаковых, общекультурных доминант на всём осваиваемом пространстве, как пространственную систему визуальных связей» [6, с. 42].

Каковы выстроенные за 300 лет неотменимые связи вещей, материалов, ландшафта, дизайна, флоры и фауны и других участников *pop-human* Санкт-Петербургской агломерации? Бытие вещей постоянно воссоздаёт, пересобирает объект. За 300 лет истории России во всей противоречивости её развития объект выступает как интенциональный, наличный для индивидуального и коллективного сознания, и транслирует свой «генетический код». Эксперты ЮНЕСКО и других международных экспертных сообществ рекомендовали консервацию объекта Всемирного наследия. Названные экспертами материальные и нематериальные аспекты городского пространства формируют ядро отношений акторов, обеспечивающих стабильность и целостность объекта и исключающих его трансформацию.

Методология и методы исследования. Современные западные и отечественные исследования городов, городских пространств и городских идентичностей обращают внимание на пространственные, экономические и социальные преобразования, происходящие в результате глобализации и неолиберализации, которые ведут к социальной дифференциации в обществе. Социальные и политические науки объясняют формирование городских социальных пространств через призму борьбы государства и капитала, культурного и этнического господства, функциональной эволюции локаций, добровольного самораспределения и перемещения людей [2].

Существующим подходам и методологиям не хватает внедрения идей, возникших в результате пространственного и материального поворота, для лучшего понимания социопро пространственных отношений городских жителей, основанных на

идентичностях и ценностях как эффектах материальности [7].

Социолог Виктор Вахштайн реконцептуализировал методологию АСТ применительно к российским городским пространствам и к самим исследованиям [8]. Исследователь представил три уровня поворота к материальному в практиках исследователей. Первый уровень – когда «материальные объекты становятся полноправными участниками социального мира» [Там же, с. 460]. Второй уровень – социология вещей *suī generis*, вплоть до призыва Латура в своих современных лекциях создать «парламент вещей» с правом голоса и спрашивать разрешение о совместной деятельности у моря¹. В. Вахштайн в рамках данного подхода в своей практике исследует социологию машин, управляемых искусственным интеллектом, материалы конструкций, у которых есть свои аффордансы² и феноменология. Третий уровень углубления в АСТ – теория топологии и пространства, восходящая к интуиции пространства Г. В. Лейбница, полагающего пространство как порядок сосуществования тел: «Пространство признается целиком реляционной характеристикой – характеристикой отношения, соположения, сосуществования тел» [Там же, с. 471].

Таким образом, город как пространственный объект поддерживается устойчивым ядром материальных и нематериальных отношений, которые не позволяют совершиться метаморфозам и трансформациям. Применительно к нашему наследию можно задать риторический вопрос: сколько нужно разрушений агломерации, новоделов, забвений текстов и исторической памяти, чтобы аутентичность наследия потерялась и город трансформировался в другое состояние?³

Проецируя принципы АСТ на город, отметим, что городские социальные пространства не являются фиксированными, скорее реляционными, процессуальными, динамичными, открытыми, представляющими собой дискурсы и сети отношений людей и не-людей. Дискурс определим как поток

¹ В лекциях на сайте автора. – URL: <http://www.bruno-latour.fr/lectures.html> (дата обращения: 11.05.2022). – Текст: электронный.

² Свойство или функция объекта, которая подсказывает, что с ним можно сделать.

³ Исторический слой/исчезнувший объект в городе Санкт-Петербург. – URL: <http://wikimapia.org/city/saint-petersburg/tag/45694/2> (дата обращения: 11.07.2022). – Текст: электронный.

различных коммуникативных процессов, где разные акторы ведут борьбу за значения посредством постоянной артикуляции и фиксации своих смыслов и картин мира.

Социальные отношения и действия, которые артикулируются в дискурсе, понимаются как сети, соединяющие людей, вещи и события в одном узле, который надо распутывать. Политическая теория Э. Лакло и Ш. Муфф предполагает, что любая социальная реальность дискурсивна как содержащая противоположные принципиально неразрешимые точки зрения и объясняемая как целое через эти различия [9]. Концепции фантазии и «онтологической нехватки» субъектов Ж. Лакана [10] созвучна неразрешимой ситуации у Э. Лакло Ш. Муфф.

Как и АСТ, ООО утверждает, что существуют реальные объекты «вне текста» и дискурсивности. Данный подход к объектам позволяет избавиться от текстоцентрической систематизации качеств. Грэм Харман различает реальные объекты и реальные качества, а также чувственные объекты и чувственные качества [5, с. 140]. Городские пространства Санкт-Петербургской агломерации являются реальными и чувственными объектами с реальными и чувственными качествами. Г. Харман предполагает, что, хотя реальные объекты и качества существуют независимо от того, воспринимаем ли мы их, чувственные объекты и качества существуют только как связанные акты человеческого сознания, феноменологии вещи и эстетической перцепции самой ситуации вещи. Санкт-Петербургская агломерация воздействует на жителей и гостей города, формируя этический и эстетический отклик.

Результаты исследования и их суждение. В результате исследований текстов СМИ и соцсетей мы обнаружили, что о наследии высказываются десять групп, которые можно расположить в антагонистическом континууме: сохранение наследия vs трансформация и изменение облика города (табл. 1). В основе дискурсов лежат диспозитивы, драйверы действий и артикуляции. По М. Фуко, диспозитивы – система стратегических ориентиров целеполагания и матрица конфигурирования культивируемых практик [11].

Таблица 1

Реконструированные из СМИ дискурсы культурного наследия Санкт-Петербурга

Дискурсы	Концепция
Дискурс сохранения наследия	Против сноса исторических зданий и за сохранение неизменного вида города с его ландшафтными и пространственными характеристиками
Дискурс бизнеса, строителей, городского развития	Направлен на развитие районов для пользы жителей, включает в себя предложения и демонстрацию экономических преимуществ
Дискурс градозащитников	Наиболее радикальный, политизированный, активный; выступает за сохранение наследия
Дискурс «креативного города» и «креативного класса»	Продвигает идеи креативности, проекты устойчивого развития города, актуализуя дискурс о креативных индустриях, пространствах и новых креативных специальностях
Дискурс архитектурного производства и экспертизы	Здесь компетентные в архитектуре акторы интерпретируют места и назначение зданий, разрабатывают проекты восстановления исторических локаций и преобразования существующего пространства
Дискурс вещей и наследия как такового	Артикулируется экспертами, историками и хранителями, которые представляют интересы того или иного объекта, здания или локации. Настаивает на сохранении кода города, вещи в контексте, так как объект стабилен только в своём окружении
Дискурс молодых горожан поколения Z	В текстах СМИ присутствуют современные формы выражения и активности: краудсорсинг, флешмобы, социальные сети, блоги с молодёжной интерпретацией города, наследия и досуговых практик
Дискурс ЮНЕСКО	Требования соответствия международным стандартам и правилам сохранения объектов Всемирного культурного наследия
Дискурс обременения	Ограничения и ответственность, накладываемые наследием, например, на арендаторов и жителей центра
Дискурс журналистов	Сохранение наследия и против его разрушения

Дадим определение составляющим диспозитивов (табл. 2). Диспозитивы, из которых состоят дискурсы перечисленных групп, представляют собой этапы движения к цели или пониманию миссии существования групп. Целеориентированные концепции дискурсов находят своё выражение в действиях, поддерживаются ценностями и эмоциональными режимами коммуникации.

Таблица 2

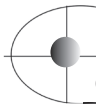
Диспозитивы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
среда	действия	компетенции	ценности	идентичность	концепции	предположения	цели, миссия	аффект	невербальность

Ценности (важные смыслы и значения) при этом являются окончательным обоснованием основных предположений, выбора концепций и языка, а также драйвером действий. Предположения, концепции и цели определяются ценностями в форме выверенных языковых клише, своим строением направленных на легитимацию дискурса.

Концепция – некий замысел для претворения в жизнь на основе усвоенных отношений со средой, инкорпорированных знаний и действий. Основные предположения или допущения являются красной нитью в практик того или иного дискурса. Идентичности мы рассматриваем как перформативные, базирующиеся на действиях и высказываниях, меняющих ситуацию, то есть подразумевающие аутентичную самопрезентацию, осмысленные действия в среде в соответствии с определёнными способностями, навыками и предпочтениями, эмоционально окрашенными ради определённой цели и миссии. Компетенции – навыки и способности, позволяющие поддерживать действия, – согласно АСТ, они также приходят извне, загружаются в нас как компьютерные программы, плагины: «Выразительность метафоры плагина связана с тем, что компетентность приходит не оптом, а буквально битами и байтами» [12, с. 275].

Выделенные десять составляющих или инструментов диспозитивов (см. табл. 2) можно сравнить с пучком ниточек в сцеплении «актор – сеть», где актор – это марионетка и цель дёргающих её в разные стороны связей. Это метафоры Б. Латура, которые

лучше помогают понять действия материальных агентов. Можно предположить, что дёргающие в одну сторону инструменты соответствуют непротиворечивой доминирующей идентичности. Однако к свободе и эмансипации, по АСТ, ведёт большее количество связей, а не единое направление. Если у Б. Латура взаимосвязь людей и вещей метафорически представлена как множество дёргающих марионетку нитей, то у его соратника Дж. Ло – это метафора инструментов письма по умам и телам. Город как устройство письма (хинтерленд) пишет по умам и телам горожан своими феноменологическими проявлениями: климатом, архитектурой, равнинным ландшафтом, низкими зданиями, влажностью, мифами и литературными образами – всем, что представляет материальное и нематериальное наследие города. Данное устройство письма производит утверждение, которое, с одной стороны, часто амбивалентно и аллегорично, с другой – неосознаваемо и выходит за пределы возможности языка – телесно, семиотично (по Г. Харману и Ю. Кристевой) [5; 7; 13].

Исходя из такой неантропоцентрической оптики, разберём дискурсы и их диспозитивы внутри кейса разрушения здания лейб-гвардии Финляндского полка в историческом центре Санкт-Петербурга, на 20-й линии Васильевского острова, 19, с целью реконструкции диспозитивов, сети акторов, дискурсивных стратегий и тактик. С 16 апреля 2022 г. в течение двух недель проанализировали 728 постов, состоящих из сообщений и комментариев к ним в социальных сетях¹. Основной массив сообщений приходится на соцсеть «ВКонтакте», что является предпочтением петербуржцев, а также актором городской идентичности. Сообщения в Facebook отправляют в основном сочувствующие из других городов. Ключевая фраза для поиска – «манеж лейб-гвардии Финляндского полка». Проанализируем группу градозащитников и их дискурс.

Авторы постов передают свои мысли в разных жанрах. Тексты имеют различную интенциональность. Комментарии усиливают, обесценивают или уточняют основное послание поста. Активно используются эмо-

тики. Горожане апеллируют к политике памяти и общей травматичной истории блокады Ленинграда. Некоторые надеются, верят в иррациональные вещи – в чудо, в человека-Добро в петербургском метрополитене, молятся святым, взывают к справедливости и наказанию виновных. Другие испытывают беспомощность, опустошённость, безнадежность и депрессию. Следственный комитет проверяет законность сноса манежа лейб-гвардии Финляндского полка в Петербурге: дело сопровождают представители других дискурсов: власть, эксперты, учёные, российские и международные организации.

Исследуемая группа, то есть защитников здания, – негомогенна (в основном это сообщества в соцсетях Василеостровского района, но есть и представители других районов, городов, стран), в группе существуют внутренние конфликты (например, с арендаторами коммунальных квартир на Васильевском острове из Азии; конфликт рабочего, который хотел бы вернуть завод на место, рядом с домом, и молодым поколением, которое хотело бы создать креативный кластер в этом здании, а заводы вывести за черту города).

Рассмотрим составляющие диспозитива дискурса градозащитников рассматриваемого кейса, выделим акторов каждого диспозитива:

1) среда – Васильевский остров (актор – место, здания);

2) действия – оплакивание/сожаление о потере здания, поиски виновных, агрессия на них, мобилизация сообщества на решение вопросов: Кто виноват? Что делать? (акторы – люди, письма, организованные события);

3) компетенции – связи, обращения за помощью, петиции, контроль в суде, митинги – спонтанная мобилизация гражданского общества; (акторы – люди, письма, петиции, организованные события);

4) ценности – единый аутентичный облик ВО, политика памяти Великой Отечественной войны (хлебокомбинат во время блокады Ленинграда) (акторы – чувственные объекты памяти и эстетического восприятия);

5) идентичность – житель Васильевского острова, петербуржец (выяснение характеристик групп, культурное общение в группе) (акторы – люди, идеальные характеристики идентичности);

¹ Представленные далее цитаты из соцсети ВКонтакте. См.: Группа «Живём на Васильевском/Васильевский остров. Голос Василеостровского района». – URL: <https://m.vk.com/vasilyevskiyostrov?from=post> (дата обращения: 12.05.2022). – Текст: электронный.

6) концепции – наказать виновных, восстановить памятник (акторы – люди, петиции);

7) предположения – даже если это не XIX век, а новодел – памятник блокаде Ленинграда (акторы – люди, документы, отчёты);

8) цели, миссия – сохранить исторический облик и наследие (акторы – люди, реальные и чувственные объекты);

9) аффект – страх разрушения идентичности, истории, культуры, памяти; позиции жертвы и агрессора; растерянность и абсурдность ситуации; конспирологические теории, чтобы снизить когнитивный диссонанс (акторы – люди, образы, фантазии, оправдания);

10) невербальность – разрушение в ситуации стресса военной операции, отсутствие безопасности, опоры и стабильности, тревога. Чувства связываются с потерей эстетичного и привычного объекта окружающей среды (акторы – люди и их психологические состояния, контекст небезопасности).

Позиционируем исследуемый дискурс в рамках методологии, пять маркеров АСТ:

1. «Природы групп: у акторов есть много противоречащих друг другу способов обрести идентичность» [12, с. 29].

Мы наблюдаем сборку и разъединение группы посредством лингвистических маркеров, в первом случае «мы», «вместе», во втором – противоречия и конфликты внутри цепочки комментариев, воспроизводство доминирующего дискурса нормы и порядка. Много призывающих и мобилизующих интенций, поиска решений, показывающих сконструированные в тексте группы другой идентичности по отношению к проблеме, например:

– надо стоять до конца, как в блокаду¹;

– надо объединяться в борьбе, равняться на пример активных граждан, иначе застройщики не остановятся, так как «почувствовали вседозволенность»²;

– послание «*сытым наверху*» – оставить сохранённый в блокаду город в покое³;

¹ Если СК поддержит снос, также быстро будут исчезать одно историческое здание за другим, что делали с городом фашисты во время блокады.

² Считается, что застройщики почувствовали вседозволенность не только из-за преступного попустительства разрушениям со стороны Сергея Макарова, но и из-за аналогичной позиции вице-губернатора Николая Линченко.

³ В блокаду же сберегли. Они же сыты все там наверху, можно город в покое оставить?

– надо просить помощи депутата района, апеллируя к армейским чувствам⁴;

– надо держаться подольше и верить в чудо⁵.

2. «Природы действий: как представляется, в ход любого действия вторгается множество различных агентов, изменяющих его первоначальные цели» [Там же].

В коммуникации обнаружены апелляции и споры по поводу мотивов и сил, которые стоят за происходящими событиями. В действия включены потусторонние силы, Б-г, инопланетяне, мафия, теория заговора. Авторы постов транслируют отчаяние, беспомощность, тщетность усилий, обесценивают активность других⁶, отмечают абсурдность ситуации: экспертиза и суд проводятся после разрушения здания, что подтверждает тезис Б. Латюра, что действие непрозрачно, неосознанно, представляет собой запутанный узел влияний, должное и недолжное проясняется уже исходя из текущих социальных практик, включая практики обличительной речи, парресии, по М. Фуко [14].

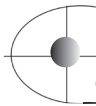
3. «Природа объектов: по-видимому, категория агентов, участвующих во взаимодействии, должна оставаться открытой» [Там же].

Б. Латур пишет, что «если складывается неравенство, то это доказательство вступления в игру акторов других типов – не социальных» [Там же, с. 83], то есть властные отношения, иерархия, неравенство ресурсов, несправедливость – это действия материальности. Материальное наследие, среда жизни петербуржцев поддерживают постоянный дискурсивный антагонизм. Перечисленные далее пять изменений в среде провоцируют мощный отклик и попытки восстановления среды, гомеостаза [15]: 1) поломка и разрушение; 2) инновации и изменения; 3) действия невежественных пользователей, вандалов; 4) возвращение через архивы, музеи в случае утери целостности; 5) работа памяти посредством художественной литературы, «Петербург-

⁴ В Законодательном Собрании Санкт-Петербурга есть депутаты, чья жизнь когда-то была тесно связана с армией. «Наш представитель» не считается.

⁵ Здание относилось к армии Российской империи (сомнения, уточнение интереса адресата): «Лариса, а вдруг!? Чудеса же бывают».

⁶ «Вы серьёзно? Ребята, нас всех продали-купили- и снова продали! Даже если каждый продаст по почке, ничего у нас не получится, как бы всем сердцем и душой не хотеть!»

ского текста», которые реконструируют отношение вещей и людей.

Ответ населения даже на незначительные изменения привычного городского ландшафта всегда очень сильный, в смысле необратимости и напряжённого истолкования произошедшего как социального события, потому что культурное наследие инкорпорировано и представляет собой сильную локальную идентичность [16]. Разрушенный объект наследия транслирует свою активность, эффектом которой является социальный всплеск, подъём активизма и пересборка идентичностей групп, поиск восстановления гомеостаза. Дискуссия длится, так как акторы апеллируют к вещам и надеются на восстановление посредством экспертизы фундамента, документов, кадастра и других материальных посредников исследования.

4. Четвёртый принцип Б. Латура связан с конструированием реальности: «Чтобы вообще имело место какое-либо конструирование, не-человеческие сущности должны играть главную роль» [12, с. 120]. В нашем кейсе конструирования нет, но есть деконструирование, зафиксированное на фотокамеры, и упование на будущее восстановление здания.

5. «И, наконец, неопределённость типа исследований» [Там же, с. 29]. Речь идёт о написании отчётов, текстов, в которых должно звучать многоголосье изучаемых акторов. Текст – лаборатория акторов, которые действуют в исследуемом поле, это также исследования объекта Всемирного наследия [17; 18].

Тексты пишутся в разных жанрах, в том числе в художественных, имеющих глубинное воздействие на восприятие. Активно используются аллюзии, контрасты, сравнения, намёки и игра слов, что может говорить о небезопасности прямого высказывания, а также ситуации сброса тревоги и напряжения за счёт остроумия и уклонения от прямого контакта [19]. Способность к уходу от контакта может оказаться полезной в определённых ситуациях, «когда накал страстей слишком велик и может привести к разрушительным последствиям» [20]. Анализируемая ситуация как раз является примером такого накала страстей¹.

¹ Сезон сноса исторических зданий в Петербурге в полном разгаре.

Горожане цитируют поэзию, классиков из Петербурга², взывают к морали и закону³.

Данную ситуацию можно проинтерпретировать как обнаружение объекта для своей нехватки, которую никогда не восполнить. Нехватка переживается как тревога. Создаётся иллюзия потерянного рая, потерянной целостности и ценности. Агрессия проецируется на виновных: конкретные люди и абстрактное зло. При активизации рассмотренных маркеров АСТ происходят изменения реальности вещей (Наследия) и трансформация городской идентичности.

Заключение. В статье показано, что тексты, относящиеся к наследию, обладают не только дискурсивной, но и функциональной спецификой внутри сети людей и вещей. Ключевое политическое значение изучения дискурсивных характеристик идентичности заключается в возможности экстраполяции выводов на политику общероссийской идентичности в аспекте сохранения культурного наследия и групповой солидарности.

Показано, что цифровизация позволяет посредством коммуникации противостоять деструкции социальных пространств при соблюдении условий актуализации контента как части сетевого взаимодействия, способствуя развитию коммуникативных практик в современном городе.

Выявлено, что каждое социальное пространство города имеет собственную идентичность со своим репертуаром социальных и коммуникативных взаимодействий; общая агломерация объекта Всемирного наследия «Петербург и связанные группы памятников» обладает пространственной аурой, ведущей к социальным эффектам, формирует ядро материальных отношений, обеспечивает пространственность и целостность объекта.

Выявлены дискурсивно формируемые группы, артикулирующие своё видение политики наследия на основе реконструированных диспозитивов групп, где мотивирующими являются цели и ценности. Проиллюстрированы источники неопределённости коммуникации людей и не-людей, составляющие исследовательскую программу АСТ.

В текстах нашего кейса содержится много призывающих и мобилизующих интенций, вариантов поиска решений, показывающих

² Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать... (И. Бродский).

³ Да ещё и детский сад по соседству.

сконструированные в текстах группы с различным отношением к проблеме, артикулирующим различное видение ситуации. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса исследованной группы направлены на восстановление изменений в материальной среде.

В процедуру любого коммуникативного действия на различных основаниях встраивается множество различных доводов, изменяющих его первоначальные цели. Это такие стратегии, как обсуждение, вопрошание, уточнение, эмоциональный отклик, обесценивание, интерпретация с помощью художественных приёмов текста.

Разрушенный объект наследия транслирует свою активность, эффектом которой является социальный всплеск и подъём активизма и пересборка идентичностей групп, уточняются цели ценности группы в изменившейся окружающей среде. Дискуссия становится состоятельной благодаря участию вещей в сети: акторы апеллируют к вещам как необходимой части производимой сети и надеются на восстановление здания посредством экспертизы фундамен-

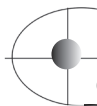
та, документов, кадастра и других материальных посредников расследования.

Реконструкция объекта приводится в фотографиях, воспоминаниях о перестройке здания, его функциях и эмоционально нагруженной истории города, личных свидетельствах об эстетическом переживании, имеется упование на будущее восстановление – данные артикуляции дискурсов способствуют укреплению диспозитивов дискурсов, городской идентичности и обоснованию как рамки дальнейших культурных событий.

Тексты пишутся в разных жанрах, в том числе в художественных, имеющих глубинное воздействие на восприятие, они представляют собой один полифонический текст за счёт многочисленных комментариев, интерпретаций, конструктивных предложений, являются полем артикуляции групп интересов, их целей и ценностей, направляющих политику городской идентичности. Статья видится как сборка действующих акторов в рамках данного кейса. Метод может быть применён для сборок акторов других дискурсов и групп интересов.

Список литературы

1. Социальное пространство большого города. СПб.: СИ РАН, 2018. 406 с.
2. Jabareen Y., Eizenberg E. Theorizing urban social spaces and their interrelations // *New perspectives on urban sociology, politics, and planning. Planning Theory*. Vol. 20, no. 3. 2021. Pp. 211–230.
3. Sosnovskaya A. M. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга: анализ СМИ // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2022. № 1. (В печати).
4. Carpentier N. *The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation*. New York: Peter Lang, 2017. 471 p.
5. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
6. Семенцов С. В. Санкт-Петербургская историческая агломерация – градостроительный объект мирового масштаба // *Интернет-вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета* 2016. № 1. С. 39–49.
7. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 352 с.
8. Вахштайн В. С. Воображая город: введение в теорию концептуализации. *Studia urbanica*, 2022. 576 с.
9. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. New York: Verso Books, 2014. 205 p.
10. Лакан Ж. Тревога (1962–1963). Семинары. М.: Логос: Гнозис, 2010. Кн. 10. 424 с.
11. Фуко М. Воля к знанию // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности* / М. Фуко. М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 97–268.
12. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 426 с.
13. Кристева Ю. К. Семиотика: исследования по семанализу. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
14. Делёз Ж., Фуко М. *Логика смысла*. М.: Akademicheskii proekt, 2011. 480 с.
15. Бейтсон Г. Разум и природа. Неизбежное единство / пер. А. И. Фета. М.: КомКнига, 2007. 216 с.
16. Марков А. В. 1980: год рождения повседневности. М.: Европа, 2014. 160 с.
17. Sosnovskaya A. M. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discursive Mapping of Saint Petersburg // *International Journal of Architecture and Planning*. 2022. No. 2. Pp. 33–36.

18. Sosnovskaya A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices, 2022. SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=4174556> (дата обращения: 12.05.2022). Текст: электронный.
19. Гингер С., Гингер А. Гештальт-терапия контакта. СПб.: Специальная литература, 1999. 287 с.
20. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). Litres, 2022. 384 с.

Информация об авторе

Сосновская Анна Михайловна, кандидат философских наук, доцент; Северо-Западный институт управления РАНХиГС; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского острова, 57/43; e-mail: sosnovskaya-am@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9736-0912>.

Для цитирования

Сосновская А. М. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в теории политической коммуникации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 93–102. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-93-102.

Статья поступила в редакцию 18.06.2022; одобрена после рецензирования 24.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

References

1. The social space of the big city. St. Petersburg: SI RAN, 2018. (In Rus.)
2. Jabareen, Y., Eizenberg, E. Theorizing urban social spaces and their interrelations: New perspectives on urban sociology, politics, and planning. *Planning Theory*, no. 20, pp. 211–230, 2021. (In Rus.)
3. Sosnovskaya, A. M. Politics of urban identity in the light of the discourse of the cultural heritage of St. Petersburg: media analysis. *Vestnik BFU*, no. 1, 2022, in print. (In Rus.)
4. Carpentier, N. *The Discursive-Material Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Participation*. New York: Peter Lang, 2017. (In Engl.)
5. Harman, G. *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. M: Ad Marginem Press, 2021. (In Rus.)
6. Sementsov, S. V. Saint Petersburg historical agglomeration is a city-planning object of world scale. *Internet Bulletin of VolgGASU*, no. 1, pp. 39–49, 2016. (In Rus.)
7. Low, J. *After Method: Disorder and Social Science*. M: In-t Gaidar, 2015. (In Rus.)
8. Vakhshstein, V. S. *Imagining the City: An Introduction to Conceptualization Theory*. *Studia urbanica*, 2022. (In Rus.)
9. Laclau, E., Mouffe, C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. Verso Books, 2014. (In Engl.)
10. Lacan J. *Anxiety (1962–1963). Seminars. Book 10*. M: Logos: Gnosis, 2010. (In Rus.)
11. Foucault, M. *The Will to Knowledge*. Foucault M. *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. M: Magisterium-Castal, 1996. Pp. 97–268. (In Rus.)
12. Latour, B. *Reassembly of the social. Introduction to actor-network theory*. Letters, 2020. (In Rus.)
13. Kristeva, Yu. K. *Semiotics: Studies in Semantic Analysis*. Moscow: Academic Project, 2013. (In Rus.)
14. Deleuze, J., Foucault M. *Logic of meaning*. Akademicheskiy project, 2011. (In Rus.)
15. Bateson, G. *Mind and Nature. Inevitable Unity*. M: KomKniga, 2007. (In Rus.)
16. Markov, A. V. 1980: the year of birth of everyday life. M: Europe, 2014. (In Rus.)
17. Sosnovskaya, A. M. Heritage Preservation Under Sustainable Development and Community Inclusion: Semiotic and Discursive Mapping of Saint Petersburg. *International Journal of Architecture and Planning*, no. 2, pp. 33–36, 2022. (In Engl.)
18. Sosnovskaya, A. Urban Identity Discourse: How Young People Preserve Heritage in Leisure Practices, 2022. SSRN:<https://ssrn.com/abstract=4174556>. (In Engl.)
19. Ginger, S., Ginger A. *Contact Gestalt Therapy*. St. Petersburg: Special Literature, 1999. (In Rus.)
20. Foucault, M. *Speech and Truth. Lectures on Parrhesia (1982–1983)*. Letters, 2022. (In Rus.)

Information about author

Sosnovskaya Anna M., Candidate of Philosophy, Associate Professor; Northwestern Institute of Management RANEPa; 57/43 Sredny pr. V. O., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: sosnovskaya-am@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9736-0912>.

For citation

Sosnovskaya A. M. Value and Goal-Oriented Dispositives of the Discourse of Cultural Heritage in the Theory of Political Communication // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 4. PP. 93–102. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-93-102.

Received: June 18, 2022; approved after reviewing July, 24 2022; accepted for publication July 28, 2022.